

Университет Моду, студенческое общежитие западного крыла, комната 0721.

Третий день октябрьских праздников, общежитие почти опустело.

Теплые солнечные лучи пробивались сквозь старое оконное стекло, освещая лениво парящие в световых столбах пылинки.

В комнате 0721 воздух был пропитан специфическим запахом, свойственным мужским общежитиям. Единственным живым существом внутри был Чэнь Сюаньжань.

Он словно огромный рак-отшельник целиком зарылся в гнездо, сооруженное на верхнем ярусе старой железной кровати из груды беспорядочно брошенных одеял, подушек и сменной одежды.

Шторы были задернуты так, что оставалась лишь узкая щель — не для того, чтобы кто-то не заглянул внутрь, а исключительно ради создания своего собственного пространства, принадлежащего только ему и миру двумерных персонажей.

Будучи ярым поклонником жанра юри, он считал, что величайшее счастье для единственного оставшегося в общежитии на праздники — это забиться в кровать и наслаждаться духовной пищей.

Экран его смартфона сиял ослепительным светом, застыв на самом важном моменте последней главы романа, за которым он следил уже больше полугода.

В комнате горела лишь одна тусклая желтая лампа, окутывая двух сплетенных в объятиях героинь мягким сиянием, а воздух наполнился сладкой, почти осязаемой негой.

Чэн Сяотао зарылась лицом в шею Су Чи, глубоко вдыхая смешанный аромат легкого жасмина и едва уловимых чернил, который, словно невидимая сеть, крепко сковывал её.

Су Чи уткнулась носом в мягкие волосы Чэн Сяотао, жадно впитывая сладкий клубничный запах. Её руки обхватили талию девушки с такой силой, словно она хотела полностью вплавить это нежное тело в своё, став единым целым.

Температура росла, скрытая жажда крепла в тишине.

— Хочешь попробовать? — голос Су Чи звучал более хрипло, чем обычно, словно наждачная бумага по шелку. Этот обжигающе горячий шепот проник Чэн Сяотао в самое сердце, задев самые чувствительные струны.

Тело Чэн Сяотао вздрогнуло, щеки мгновенно вспыхнули, а на шее выступил нежный румянец.

Она попыталась спрятаться, прижавшись к телу Су Чи, и пробормотала разбитым голосом:

— Но... я, я ведь в первый раз...

В груди Су Чи раздался низкий вибрирующий звук — смех, наполненный густой нежностью и нотками ленивого удовлетворения.

— Не бойся, — её губы почти коснулись покрасневшей мочки уха. Дыхание было горячим, а тон нежным, но властным, как у хищника. — Я тебя научу.

В строках текста летели искры, чувственное описание было до того детальным, что по телу пробегали электрические разряды.

— Хи-хи-хи-хи-хи!

Счастье, подобно неконтролируемому току, пронзило его от пяток до макушки. Он яростно заворочался, закрутился и забился на узкой кровати, словно червь, заставляя хлипкий матрас издавать глухие скрипучие звуки.

— Хи-хи-хи... хе-хе-хе... го-го-го... — чередой бесконтрольных, мрачноватых и восторженных смешков, которые он изо всех сил пытался сдержать, прорывалась сквозь край одеяла, который он впился зубами. В пустом общежитии это звучало странно и пугающе.

Он глупо хихикал и дрожал, сбивая одеяло в один большой ком.

Глаза его намертво прилипли к экрану, уголки рта растянулись до ушей. Ощущение безмерного удовлетворения и счастья, словно раскаленный газ, заполнило его грудь, заставляя чувствовать, будто он вот-вот взлетит. Он даже не заметил, как из носа потекла горячая струйка.

— Хи-хи-хи, вот это я и хотел увидеть! Ради этого стоит даже умереть!

Едва он произнес эти слова, как мощный выброс адреналина заставил сердце сжаться в невидимом кулаке. Оно бешено заколотилось, как молот по его и без того не самой крепкой груди.

Тук-тук-тук-тук.

Лицо, еще секунду назад покрасневшее от восторга, мгновенно утратило все краски. Взгляд застыл, искорки возбуждения в глазах погасли, словно задутая свеча. Странный смех оборвался, выражение лица исказилось.

— Черт... за что мне это старое недомогание?

Все тело замерло, будто нажали кнопку паузы. Мышцы обмякли, осталась лишь мелкая, хаотичная дрожь нервных окончаний.

— Я умираю? Я ведь еще не дочитал... Я так хочу узнать, что будет с Чжо Ай...

Руки безвольно опустились. Экран смартфона, на котором все еще светились те романтические строки, с глухим стуком ударился о потную грудь, скатился и упал на простынь, отражая расплывчатое пятно света.

В его расширяющихся зрачках еще отражалась картина того самого момента, но уже через мгновение они начали покрываться смертной сепией, словно отливающий прилив.

Ни крика, ни борьбы, ни долгой агонии. Смерть пришла так же быстро, как налетел бы ураган.

Жизнь, еще мгновение назад кипевшая, словно вода в чайнике, оборвалась вместе с тем самым глухим ударом перегруженного сердца.

В комнате 0721 воцарилась мертвая тишина.

Послеполуденное солнце все так же лениво пробивалось сквозь щель в шторах, ложась на старую темную плитку пола, а на узкой кровати неподвижно лежал Чэнь Сюаньжань. Его опрометчивое заявление о том, что ради такого не жалко умереть, сбылось в самый неподходящий момент.

Так он и остался, одинокий и застывший на верхнем ярусе пустующего общежития.

Тишина.

Чэнь Сюаньжань, несмотря на роль классического героя, не обладал сопутствующей удачей. С самого детства его мир был лишь бесконечным скитанием.

Он не знал, откуда он родом, кто его родители. Он вырос в детском доме под именем, которое дал ему директор. Самым жестоким было то, что его врожденное больное сердце напоминало некачественную бомбу, спрятанную в груди. Каждый неуместный ускоренный удар сопровождался острым, колющим спазмом и удушьем, напоминая о хрупкости бытия.

Пока однажды он не стал поклонником жанра юри, найдя в этом свою единственную духовную отдушину.

Это случилось в букинистическом магазине на темном углу улицы, где он случайно открыл лайт-новеллу с рисунком двух обнимающихся девушек на обложке.

Теплый, чистый источник, которого он никогда не знал, хлынул в его выжженный, растрескавшийся внутренний мир.

Он был очарован этими чувствами: невысказанным взаимопониманием между девушками, тончайшими импульсами при встрече взглядами, искрами, вспыхивающими при случайном касании пальцев, и этой чистой, выходящей за рамки обыденности связью.

Это стало его единственным спасением. Жанр юри перестал быть для него просто развлечением, став жизненно важным духовным питанием и воздухом.

Теперь этот поклонник жанра погиб от внезапного сердечного приступа в возрасте двадцати двух лет. Его жизнь, полная опасностей, оборвалась в одночасье. Самым прискорбным было то, что после его смерти на жестком диске компьютера остались нетронутыми более 100 гигабайт юри-манги и материалов, ожидающих своего часа.

<http://bllate.org/book/18965/1861125>